

Будущее прав человека

Каково это — быть человеком в глобальную, цифровую эпоху?

С середины XX века многие привыкли к идее прав человека и к тому, как их можно использовать, когда эти люди считают, что им угрожают. Несмотря на то что это наследие мы получили с давних времен, современное понимание этих прав в значительной степени сформировалось в 1948 году. Именно тогда была принята Всеобщая декларация прав человека. Этот важный документ стремился облегчить новый мировой порядок после опустошения, принесенного Второй мировой войной. Он провозгласил, что все люди рождаются свободными и равными, и обязывал государства защищать такие права, как право на жизнь, свободу от пыток, работу и соответствующий уровень жизни.

С тех пор подобные обещания были закреплены в международных договорах, в том числе Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, а также в региональных документах, таких как Европейская конвенция по правам человека 1950 года.

Впрочем, в последнее время государства снова задумались. В США первые месяцы президентства Дональда Трампа сопровождались открытыми нарушениями международных обязательств в области прав человека, в первую очередь в виде спорного запрета на поездки, ориентированного на тех, кто происходит преимущественно из мусульманских стран, и беженцев.

Во Франции национальное чрезвычайное положение, продолжающееся после парижских террористических атак 2015 года, усилило полномочия полиции и органов безопасности.

В Великобритании звучали призывы отказаться от Европейской конвенции по правам человека. В преддверии Брексита также существует значительная неопределенность в отношении того, защиту каких прав, если таковые имеются, следует сохранить после

ухода из ЕС.

Эти события поднимают важные вопросы о том, что такое права человека и что они должны представлять в нашем меняющемся мире. Пришло ли время приспособить их к нашей реальности? Какими должны быть права человека будущего? Наше понимание прав человека, в значительной степени сформированное в 1940-1950-х годах, больше не подлежит обоснованию. Мы должны быть готовы переоценить понятие прав человека – в противном случае правительства могут сделать это за нас.

Переоценка существующих прав для будущего

Всеобщая декларация прав человека, два последующих международных пакта и Европейская конвенция являются основополагающими документами, которые, как предполагается, устанавливают краеугольные положения, касающиеся прав человека. Эти списки предоставили карту для навигации по проблемам времени. Сегодняшний контекст, однако, значительно отличается. В результате эти списки больше не могут считаться священными: они нуждаются в переоценке.

Научные разработки меняют то, как мы относимся к нашим телам. Мы можем продлить человеческую жизнь как никогда раньше и использовать наши тела в качестве товара (например, продавая волосы, кровь, сперму или грудное молоко). В 2016 году 14-летняя девочка попросила предоставить ей право заморозить ее тело при помощи криогеники. Такие ситуации нелегко вписываются в рамки традиционных положений о правах человека.

Машины становятся все более умными, они хранят и используют данные о нас и нашей жизни. У них даже есть потенциал для нарушения нашей когнитивной свободы – нашей способности контролировать наши собственные умы. К ним относятся сообщения о попытках Facebook создать прямой нейронный интерфейс, который позволит пользователям набирать текст, просто думая о нем. Должны ли права человека защищать нас от искусственного интеллекта, который мы сами создали?

Такая же переоценка может быть применена к самой идее того, что означает быть «человеком». Хотя за последние 70 лет было обеспечено предоставление конкретных прав для детей, женщин, инвалидов, трудящихся-мигрантов и других лиц, состояние

«человека» не должно рассматриваться как фиксированное. Необходимо ли нам переосмысливать права для рассмотрения опыта людей, которые находятся вне наших нынешних рамок понимания в обществе? Это могут быть люди, которые идентифицируют себя как гендерно-вариантные или гендерно-трансгрессивные и не считают свою личность равной ни мужской, ни женской.

Мы можем также задать вопрос: нужно ли переоценивать то, как мы понимаем само человечество? Мы могли бы, например, стремиться признавать людей как фундаментально взаимозависимых от природы и окружающей среды. В результате люди, рассматриваемые вне контекста, не могут быть лучшими или единственными субъектами прав. Это может привести к серьезному рассмотрению вопроса о предоставлении прав для лиц, ранее считавшихся не людьми, таких как окружающая среда.

Представление новой утопии

Права человека предлагают способ мышления о том, какое будущее мы хотим видеть в утопических условиях. Это элемент, который был важен в их послевоенном понимании, и остается таковым.

Однако это не должно быть видением, которое связано с либерализмом, капитализмом или статизмом, как это было в случае прав человека 1940-1950-х годов. Наши действующие документы по правам человека были определены государствами и поддерживали право на собственность и личную свободу – идеи, которые дополняют жизнь в либеральных, капиталистических условиях.

Вместо этого права человека могут использоваться, чтобы предусмотреть новую утопию. Они могут быть основаны на новых формах жизни, бытия и структурирования общества, которые лучше соотносятся с проблемами настоящего. Их можно было бы использовать, чтобы думать об обществе, которое смещает центральное положение государства. Люди, а не правительства, могут стать коллективными определителями и привратниками прав человека и того, как они защищены.

Точно так же общинная концепция прав человека – продвижение идеи прав, принадлежащих людям в сообществах, а не отдельным лицам, – может помочь нам задуматься о формах структурирования общества, которые выходят за рамки фокуса на личности, что является решающим для либерального и капиталистического мировоззрений.

К ней также может относиться более пристальное внимание к идее групповых прав, в соответствии с которыми права человека принадлежат группе, а не ее отдельным членам. Эта концепция использовалась в отношении коренных народов и культурной самобытности, но ее можно было бы расширить, чтобы концептуализировать другие вопросы в коллективных терминах. Например, мы могли бы начать использовать права, чтобы рассматривать здравоохранение как коллективное, с участием различных мер защиты и обязательств, проводимых и осуществляемых в отношении других лиц, в отличие от индивидуализированного права на охрану здоровья.

Благодаря таким действиям можно построить современное утопическое видение прав, основанное на формах социальных отношений, очень отличающихся от тех, которые мы имеем в настоящее время.

Права человека должны измениться, чтобы стать инструментами, которые стимулируют критическую дискуссию и дебаты в настоящем, помогая выработать новое видение сегодняшнего будущего, а не продолжать прежнее с XX века. Рассматриваемые под таким углом права человека могут возникать не как наследие прошлого, но достижение будущего.

Данная статья была впервые опубликована в The Conversation.

Кэтрин МакНилли

Белфаст

Кэтрин МакНилли (Kathryn McNeilly) читает лекции на юридическом факультете Королевского университета в Белфасте. Ее исследовательские интересы охватывают области феминистского и гендерного учений, критической юридической теории и прав человека. Она является автором монографии *Human Rights and Radical Social Transformation: Futurity, Alterity, Power* («Права человека и радикальная социальная трансформация: будущее, изменчивость, власть»), опубликованной издательским домом Routledge.

